

В. И. Третьяков

УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В УСЛОВИЯХ ЭКСЦЕССА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемы квалификации убийства, совершенного в условиях эксцесса необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление. Анализируется правовая позиция законодателей иностранных государств (Казахстан, Украина, Молдова) по изучаемому вопросу.

Ключевые слова: квалификация, убийство, эксцесс, необходимая оборона, задержание

V. I. Tretyakov

HOMICIDE COMMITTED WHILE EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE AND APPREHENDING AN INDIVIDUAL WHO COMMITTED THE CRIME

The article draws attention to the problem of determining the nature of a homicide committed while exceeding the limits of necessary defense and apprehending an individual who committed the crime. The author analyzes a legal position of legislators from foreign countries (Kazakhstan, Ukraine, Moldova) regarding the studied issue.

Keywords: determining the nature of a crime, homicide, excess, necessary defense, apprehension.

«Убийство» и «убийца» — самые скверные и наводящие ужас слова из всего богатства русского языка, и определяются они в нем как преступное лишение жизни кого-либо и как преступник, совершивший убийство [1, с. 444]. В значениях этих понятий присутствует объединяющее их слово «преступник», т. е. человек, преступивший установленные государственной властью границы (пределы) дозволенного. И, естественно, этот общепорицаемый социальный статус человека присущ каждому, кто противоправно лишает жизни себе подобного. Однако при общей негативной оценке убийства и убийц законодатель усмотрел в них существенные различия и дифференцировал их на три категории, положив в основу каждой степень общественной опасности.

В теории уголовного права они названы: простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ), привилегированное убийство (ст. 106, 107 и 108 УК РФ). В число преступлений против жизни входит и лишение жизни другого человека по неосторожности (ст. 109 УК РФ), которое также можно назвать убийством (ст. 106 УК РСФСР 1960 г. называлась «неосторожное убийство»). Убийством можно назвать и лишение жизни другого человека, совершенное для достижения общественно полезной цели в условиях, например, необходимой обороны и задержания

лица, совершившего преступление. Все предложенные варианты можно назвать убийством. Проблема же, однако, заключается в том, чтобы среди многообразия убийств отыскать ту грань, которая позволит отличить их друг от друга, и особенно убийство общественно полезное от убийства уголовно наказуемого (ст. 108 УК РФ).

Статья 108 УК РФ состоит из двух частей: в первой установлена ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны; во второй — за превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Анализ названных составов преступлений свидетельствует о скупости их законодательной определенности: в них выделяется лишь два юридически (в контексте норм) значимых понятия — превышение и предел [2], главным из которых является «предел», также лишенный аутентического толкования. Разъяснение этого понятия дается в ч. 2 ст. 37 УК РФ, где закреплено, что превышение пределов необходимой обороны — это умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Следовательно, признаком, образующим составы рассматриваемых преступлений, является явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства и явное

несоответствие мер задержания обстоятельствам задержания. Для установления этих признаков важное значение имеют рекомендации, изложенные в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». В пункте 11 этого постановления разъясняется, что уголовная ответственность за причинение вреда наступает для обороняющегося лишь в случае, когда он прибегнул к защите от посягательства такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в случае, когда будет установлено, что обороняющийся осознал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Ценность этого комментария закона в том, что Пленум раскрыл уголовно-правовое значение явности несоответствия защите характеру и опасности посягательства, которое аналогично комментировалось в п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» [3, с. 189—194], но в более понятной и лаконичной редакции.

Отмечая данное обстоятельство в качестве положительного в предписаниях высшей судебной инстанции, укажем одновременно на отсутствие в названных постановлениях разъяснений понятия явности несоответствия мер задержания обстановке задержания, поскольку убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, закреплено в законе в виде самостоятельного состава преступления (ч. 2 ст. 108 УК РФ). Естественно, что упущение из системы одного из ее составляющих с неизбежностью влечет другое, неразрывно с ним связанное. В нашем тексте — это источник достоверности информации о превышении (непревышении) мер, необходимых для

задержания лица, совершившего преступление. Со своей стороны полагаем, что основным источником оценки соответствия (несоответствия) мер задержания обстановке задержания является лицо, осуществляющее задержание. Аргументы таковы: 1) при решении вопроса о задержании только задерживающий (исключая, разумеется, задерживаемого) осведомлен о характере и степени общественной опасности совершенного (совершаемого) задерживаемым преступления; 2) только задерживающий осведомлен об условиях обстановки задержания; 3) только задерживающий оценивает обстановку задержания как благоприятную или неблагоприятную для насильственного задержания преступника; 4) только задерживающий избирает способ, приемы, методы и средства задержания; 5) только задерживающий знает о своих психофизических возможностях, позволяющих осуществить акт насильственного задержания преступника. Поэтому именно субъективное отношение задерживающего к условиям насильственного задержания и его последствиям в виде смерти задерживаемого преступника в целях доставления его органам власти или пресечения возможности совершения им новых преступлений берется за единицу измерения его поведения и признания его правомерным или уголовно наказуемым.

Итак, признак явности необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление — это всегда вопрос факта, всецело зависящий от обстановки происшедшего события, оценку которой дает обороняющийся или задерживающий.

В пунктах 13 и 22 названного постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 г. дается примерный перечень обстоятельств, которые необходимо учитывать при решении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны. В него, в частности, входят место и время посягательства, предшествующие посягательству события, неожиданность нападения, число нападающих и обороняющихся, их пол и возраст, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия, и другие обстоятельства. В этом же постановлении (п. 22) обрисовывается и обстановка задержания, а поскольку акт задержания преступника протекает примерно в таких же экстремальных условиях, что

и акт нападения и защиты, то и обстоятельства задержания не могут существенно отличаться от обстановки необходимой обороны. «Под обстановкой задержания, — говорится в постановлении, — следует понимать все обстоятельства, которые могли повлиять на возможность задержания с минимальным причинением вреда задерживаемому...» и далее называются конкретные из обстоятельств задержания: время и место преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, пол и возраст задерживающих и задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождении в состав банды, террористической организации и т. п.

Если беспристрастно проанализировать данное предписание (обязательное для исполнения нижестоящими судами и другими законоприменителями), то причинение вреда преступнику при его задержании правомерно только тогда, когда другими способами и средствами задержать такое лицо невозможно (ч. 1 ст. 38 УК РФ). При этом задерживающий должен еще и решить проблему минимизации причинения вреда задерживаемому, из чего следует, что Пленум до предела ограничил и без того законом суженные естественные права человека задерживать заведомо особо опасных для общества лиц. Заметим, задерживать не для самочинной расправы, но в целях пресечения совершаемого преступления и возможности совершения им новых преступных деяний. Данное предписание не облегчает, а создает дополнительные трудности в деле защиты интересов человека и общества, не способствует претворению в жизнь профилактической функции закона, а противоречит ее гуманистическому содержанию, не повышает, а снижает социально полезную активность граждан и должностных лиц, добросовестно исполняющих свой общественно-нравственный долг и служебную обязанность [4, с. 376, 377]. Здесь проявляется забота о здоровье и жизни преступника, не желающего сдаться и противодействующего задержанию, не раскаявшегося в содеянном и, следовательно, ориентированного на продолжение преступной деятельности.

В подавляющем большинстве случаев (если не во всех) обороняющийся от преступного посягательства, угрожающего его жизни и

здоровью, а также задерживающий опасного преступника находится в экстремальной ситуации, состоянии сильного душевного волнения, стресса, никак не меньшем, чем возникшем под влиянием противоправных или аморальных действий потерпевшего (ст. 107 УК РФ). Однако данное обстоятельство в законе не учтено и на квалификацию содеянного по признакам ст. 108 УК РФ не влияет. В абзаце 2 п. 15 названного выше постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 г. предписывается, что если обороняющееся лицо (надо полагать, и задерживающее лицо) превысило пределы необходимой обороны (стало быть, и меры, необходимые для задержания преступника) в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ (соответственно, по ч. 2 ст. 108 или ч. 2 ст. 114 УК РФ).

Внедряя в судебную практику такую квалификационную императиву, Пленум, на наш взгляд, недоучел, как минимум, два важных обстоятельства. Во-первых, в действиях обороняющегося и задерживающего наличествуют два установленных законом признака, относящихся к числу смягчающих, которые в своей совокупности могли бы послужить основанием для признания такого убийства правомерным. Во-вторых, лицам, отражающим нападение или задерживающим преступника, некогда размышлять о пределах дозволенного и соизмерять свои силы и возможности с агрессией преступно противоборствующей стороны. Они в подобных ситуациях руководствуются инстинктом самосохранения и врожденным или приобретенным чувством нравственной ответственности и добросовестного исполнения служебного долга. Причинение же при этом вреда посягающему и несдавшемуся преступнику при его задержании — это закономерный результат их общественно полезной деятельности, пределом которой может быть и смерть правонарушителя. К тому же психоэмоциональное состояние обороняющегося и задерживающего даже при ожидаемой ими агрессии со стороны правонарушителей всегда балансирует на грани человеческих возможностей (известно, что профессиональные спортсмены «перегорают» перед выходом на ринг и испытывают сильнейшие нервные потрясения в

ходе поединка). Нельзя игнорировать и тот факт, что подавляющее большинство преступников — это психопатичные личности, а психопаты — это лица с явно выраженными криминальными наклонностями [5, с. 13], поведение которых определяют примитивные влечения, вспыльчивость, непредсказуемость [6, с. 107]. В такой ситуации ни обороняющийся, ни задерживающий не в состоянии точно рассчитать каждое свое действие, т. е. ни силу отражающего удара, ни время удержания удушающего приема, ни эффективность используемых ими пределов и средств защиты и задержания, ни другие реальные обстоятельства, способствующие успешному отражению нападения или задержанию лица, совершившего преступление. Поэтому при решении вопроса об уголовной ответственности обороняющихся и задерживающих лиц прежде всего скрупулезно анализируются все обстоятельства происшедшего события, поскольку игнорирование или недоучет даже некоторых из них может привести к непоправимым последствиям.

В юридической литературе убедительно обосновывается необходимость учитывать в каждом конкретном случае эксцесса необходимой обороны единство двух факторов: характера и степени общественной опасности посягательства и обстановку, в которой осуществлялся акт необходимой обороны. При этом утверждается, что если посягательство представляло большую общественную опасность, т. е. было сопряжено с насилием, опасным для жизни или причинением тяжкого вреда здоровью обороняющегося, и происходило в неблагоприятной для него обстановке, то убийство посягателя признается правомерным и общественно полезным. Отсутствие же одного из этих факторов рекомендуется признавать преступлением, совершенным при превышении пределов необходимой обороны [7, с. 248—261].

Благоприятная или неблагоприятная обстановка задержания, характер и степень общественной опасности совершенного или совершаемого преступления служат мерилем и правомерного задержания преступника [7, с. 273—301]. Различие заключается лишь в повышенной сложности доказывания благоприятности (неблагоприятности) обстановки задержания ввиду того, что признак внезапности, нередко сопровождающий и характеризующий нападение,

в обстановку задержания не входит, за исключением случаев, когда задерживаемое лицо, противодействуя задержанию, применяет к задерживающему физическое или психическое насилие, превращая, таким образом, задержание в акт насилия, соответствующий признакам необходимой обороны. Это важно отметить, поскольку субъективное восприятие задерживающим обстановки задержания не радикально отличается от обстановки необходимой обороны. Задерживающий так же, как и обороняющийся, в ходе всего процесса задержания находится в состоянии сильного эмоционального напряжения (душевного волнения), вызванного страхом, испугом, неожиданностью и т. п., в силу чего может ошибаться в оценке опасности обстановки задержания и причинить несдавшемуся преступнику чрезмерный вред. Правда, чрезмерным он, как правило, признается лицом, оценивающим действия обороняющегося или задерживающего, т. е. следователем и судьей, но не его причинителем, который не всегда способен детально вспомнить ввиду пережитого нервного потрясения обстоятельства происшедшего события. В действительности же такая оценка бывает или завышенной или заниженной, т. е. колеблющейся между осуждением и оправданием.

Сержант милиции И. был осужден за убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В ночное время он со своим напарником, сержантом Б., доставлял на автомашине патрульно-постовой службы задержанного на месте преступления вора-рецидивиста С. В пути рецидивист вел себя вызывающе, толкал и оскорблял работников милиции и, пытаясь совершить побег, ударил сержанта Б. От болевого шока сержант на короткое время лишился чувств. Тогда сержант И., пресекая побег, взял задержанного за плечи и толкнул его, в результате чего С. получил черепно-мозговую травму и через полтора часа скончался в машине скорой медицинской помощи [8, с. 7].

Какой вывод можно сделать из этой непридуманной ситуации? Мнения могут быть разные, в т. ч. и прямо противоположные: 1) обвинительный приговор суда можно признать законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Он постановлен в соответствии с

требованиями УПК РФ и основан на правильном применении ст. 108 УК РФ, поскольку осужденный, располагая, предположим, другими средствами задержания (свалить на землю, заломить руку, оглушить ударом кулака по голове и т. д.), без необходимости причинил явно чрезмерный вред; 2) обвинительный приговор суда можно признать неправосудным. Он постановлен без учета агрессивных действий задержанного преступника, его прошлого преступного опыта, места и времени причинения ему смертельной травмы и других обстоятельств, свидетельствующих, что задержать рецидивиста с помощью других средств не представлялось возможным; 3) приговор суда можно признать и заведомо неправосудным, т. е. соответствующим признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

Очевидно, что ни законодательное определение превышения пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, ни судебное и доктринальное толкование этих пределов не предлагают четких и однозначных критериев разграничения правомерных и общественно полезных действий обороняющегося и задерживающего от действий, выходящих за пределы дозволенного, называемые эксцессом необходимой обороны и эксцессом задержания лица, совершившего преступление. И получается, что только судебское усмотрение представляется истинным, а оно, как свидетельствует практика, бывает разным, в т. ч. и неправосудным.

Более рациональное решение рассматриваемого вопроса предложил законодатель Республики Казахстан. В соответствии со ст. 66 УК Казахстана лицо, превысившее пределы необходимой обороны вследствие страха, испуга или замешательства, вызванного общественно опасным посягательством, может быть с учетом обстоятельств дела освобождено от уголовной ответственности. Эта статья размещена в разд. V и называется «Освобождение от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны».

Еще больше защиту прав лиц, пребывающих в состоянии необходимой обороны, гарантирует ч. 4 ст. 36 УК Украины. В ней закреплено, что лицо не подлежит уголовной ответственности, если

в силу сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным посягательством, оно не могло оценить соответствие причиненного им вреда опасности посягательства или обстановке защиты. Не является также превышением пределов необходимой обороны и не имеет следствием уголовную ответственность применение оружия или любых средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище либо другое помещение независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему.

В УК Республики Молдова вообще отсутствует понятие превышения пределов необходимой обороны и не имеется привилегированных составов преступлений, совершенных при эксцессе обороны. Необходимой же обороной признается отражение лицом прямого, немедленного, материального и реального нападения, направленного против него, другого лица или против общественных интересов и представляющего крайнюю опасность для личности или прав обороняющегося либо для общественных интересов. Необходимой обороной признаются и действия лица, совершенные для воспрепятствования проникновению в жилое или иное помещение, сопровождающемуся опасным для жизни или здоровья насильем либо угрозой такого насилия [9, с. 49, 51—54].

Из этой законодательной дефиниции понятия необходимой обороны следует, что нападающему может быть причинен любой вред вплоть до лишения его жизни, если посягательство представляет крайнюю опасность для жизни и здоровья обороняющегося или другого лица либо сопряжено с насильственным проникновением в жилище или иное помещение.

Краткий анализ приведенных выше норм о необходимой обороне, закрепленных в УК некоторых государств ближнего зарубежья (бывших советских республик), показывает их несомненную близость с отечественным законодательством. Однако нельзя не заметить и существенные различия, которые можно свести к одному знаменателю: законодательные акты этих стран «более почтительны» к лицам, мужественно исполняющим свой социально полезный долг или нормативно обусловленные служебные обязанности, предоставляя им значительные

гарантии защиты от уголовного преследования. Из этого можно сделать вывод о том, что российский уголовный закон о необходимой обороне, несмотря на трехкратную (с момента принятия УК РФ 1996 г.) парламентскую коррекцию ст. 37 УК РФ, по-прежнему далек от совершенства, а законодатель по привычке совершенствует свой продукт посредством метода проб и ошибок.

Примечания

1. Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1988. Т. IV.
2. В русском языке словам «предел» и «мера» придается одинаковое смысловое значение как последняя, крайняя степень чего-либо, как естественная или условная черта. См.: Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1988. Т. II. С. 252; Т. III. С. 364—365.
3. Сборник постановлений пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 2000.
4. Уголовное право России / под ред. Ф. Р. Сундунова. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007 (автор главы Б. В. Сидоров).
5. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий. Их статистика, динамика, систематика. М., 1933.
6. Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: учеб. пособие для вузов. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998.
7. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991.
8. Жуйков В. П. Практикум по Особенной части курса «Уголовное право Российской Федерации». Астрахань: АГТУ, 1997.
9. Петрикова С. В. Необходимая оборона и превышение ее пределов в законодательстве стран ближнего зарубежья // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологических исследований / под ред. Н. А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2011. Вып. 6. С. 49, 51—54.